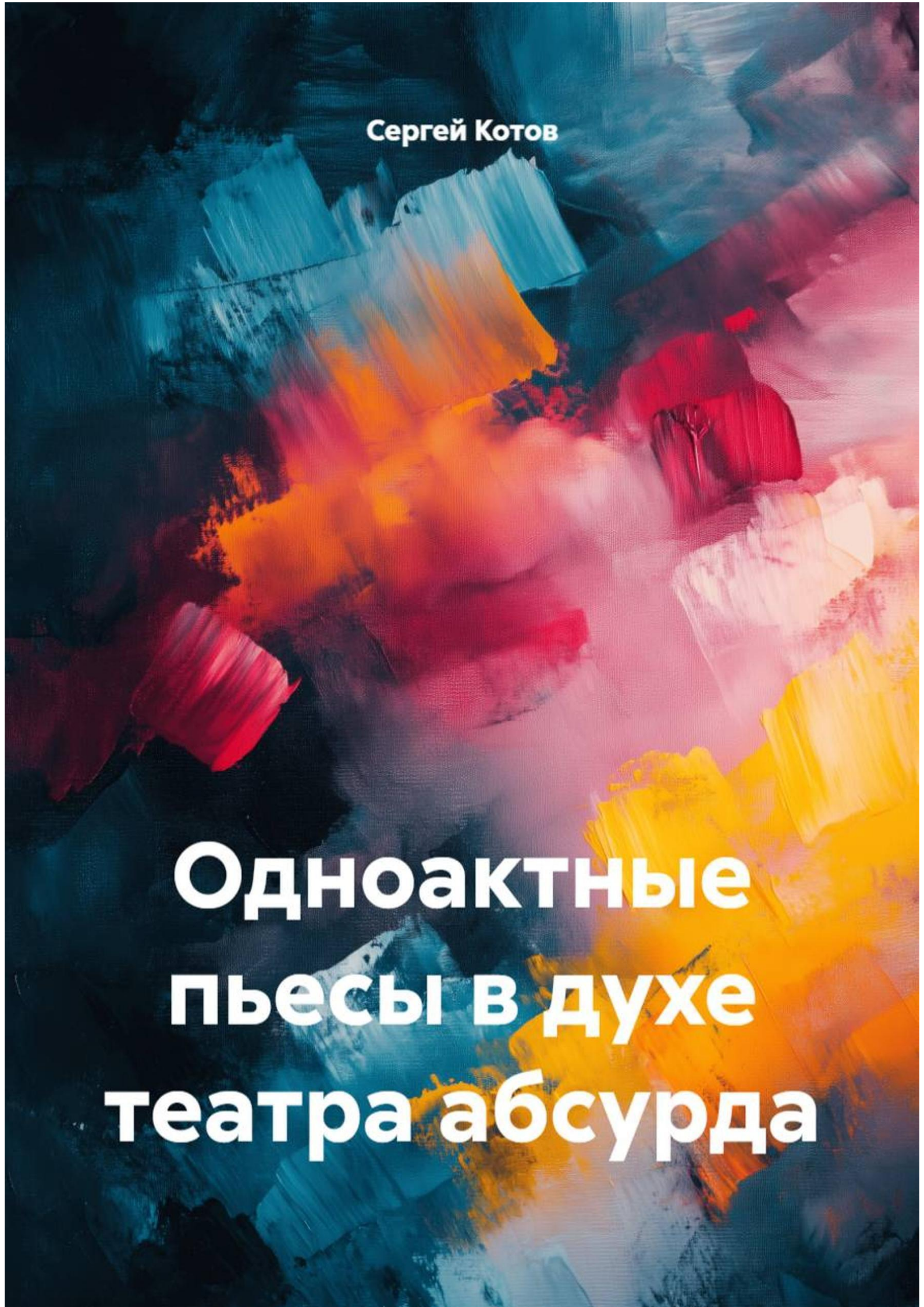

Сергей Котов

**Одноактные
пьесы в духе
театра абсурда**

Сергей Котов

**Одноактные пьесы в
духе театра абсурда**

«Автор»

2026

Котов С.

Одноактные пьесы в духе театра абсурда / С. Котов — «Автор», 2026

Представленные пьесы образуют цикл произведений в жанре театра абсурда и гротескной трагикомедии, где классические сюжеты мировой литературы и ключевые исторические события конца XX – начала XXI века подвергаются радикальной деконструкции. Автор намеренно помещает трагедию в контекст бюрократического фарса, психопатологического сна и карнавальной буффонады. Общей чертой цикла является превращение серьезных философских и политических концепций (вина и искупление, ревность, поиск смысла жизни, геополитическая ответственность) в овеществленные, непослушные предметы (говорящий Топор, живой Носовой платок, пустой лист договора). Диалоги строятся на логике кошмара, подмене понятий и бесконечном самоповторе, превращая «проклятые вопросы» в канцелярские ошибки. Высокое смешивается с низким, а историческая судьба неизменно сводится к зацикленному ритуалу, который не имеет разрешения.

© Котов С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

РАСКОЛЬНИКОВ. СОН В КРАСНОМ ЦВЕТЕ	5
ОТЕЛЛО. ПЛАТОК ДЬЯВОЛА	9
ГАМЛЕТ. ЧЕРЕП БЕЗ ПРИЧИНЫ	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Сергей Котов

Одноактные пьесы в духе театра абсурда

РАСКОЛЬНИКОВ. СОН В КРАСНОМ ЦВЕТЕ

Пьеса в стиле театра абсурда, написанная по мотивам романа «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского.

Жанр: Абсурдистская трагикомедия в одном действии

Действующие лица:

- РОДИОН РАСКОЛЬНИКОВ (молодой человек, который всё время чешет затылок)
- СТАРУХА-ПРОЦЕНЩИЦА (жива, мертва и где-то между)
- СОФЬЯ СЕМЁНОВНА (читает Евангелие вверх ногами)
- ПОРФИРИЙ ПЕТРОВИЧ (играет с невидимой бабочкой)
- ТОПОР (говорящий)

Декорация:

Тесная каморка, похожая на шкаф. Посередине — стул, на котором сидит Раскольников. Вместо двери — занавеска из газет. На стене висит зеркало, но оно отражает затылок зрителя. На полу — чемодан, из которого доносится звук «Бум-бум». Красный свет то включается, то выключается, не спрашивая разрешения.

(Занавес открывается. Раскольников сидит неподвижно ровно 30 секунд. Затем начинает истерически смеяться.)

РАСКОЛЬНИКОВ: (в пустоту) Нет, вы представьте: если бы у меня была не тысяча рублей, а тысяча идей — я бы стал Наполеоном! Или блохой? Или Наполеоном-блохой? (вскакивает) Блоха! Маленькая, противная, прыгучая — но с короной!

(Входит СТАРУХА. У неё в руках — вязание, но она вяжет воздух. Спицы скрежещут.)

СТАРУХА: Процент принес, голубчик? А то я тебя в банку закатаю. Знаешь, какие у меня банки? Трёхлитровые. Души там маринуются.

РАСКОЛЬНИКОВ: Я принёс заклад. (шарит по карманам, достаёт пустую руку) Вот. Воздух. Он самый ценный. Вечный. Никто не украдёт.

СТАРУХА: (нюхает его ладонь) Фальшивый. От воздуха проценты меньше трёх копеек. Убей меня лучше.

РАСКОЛЬНИКОВ: (шепотом) А что, если?

СТАРУХА: (оживает, как пощёчина) Ой, да убей, сделай милость! Третий день прошусь. Вчера один студент приходил — тоже хотел убить, да передумал, чай пить остался. С малиной.

РАСКОЛЬНИКОВ: Но я не студент. Я — бывший студент. Это страшная сила. Бывшесть — она разъедает мозг. (Хватает стул и поднимает над головой) Сейчас я докажу теорию!

СТАРУХА: (зевает) Теорию топором доказывают? Фи, банально. Ты бы ей в ухо поцеловал, вот это был бы абзац.

(Вместо топора из-под пола вылезает ТОПОР. У него есть глаза. Он улыбается.)

ТОПОР: Привет, убивец. Я тут подумал: а давай не сегодня? У меня прыщик на лезвии. И вообще, я топор для мяса, а не для старух. Конфликт интересов.

РАСКОЛЬНИКОВ: Но в романе ты меня слушался!

ТОПОР: В романе. А сейчас — пьеса. Другой жанр. Тут вообще ничего не слушается. (Показывает на занавеску) Вон, дверь вчера сбежала в буфет. Лежит теперь там, чашкой прикидывается.

(Свет мигает красным. Появляется ПОРФИРИЙ ПЕТРОВИЧ. Он в пижаме и с сачком для бабочек.)

ПОРФИРИЙ: Ах, вот вы где, голубчик мой! А я вас ловлю. Ик! (ловит сачком Раскольникова, но сачок пуст) Уплыл. Знаете, Родион Романович, я вчера прочитал вашу статью. Там слово «тварь дрожащая» повторяется 666 раз. Это случайно?

РАСКОЛЬНИКОВ: Это знак. Знак того, что я — сверхчеловек!

ПОРФИРИЙ: Сверхчеловек? А почему вы тогда боитесь пауков? (достаёт из кармана живого паука) Вот. Полюбуйтесь. Он вас не боится. Потому что он паук. А вы — просто мальчик с топорной истерикой.

СТАРУХА: (всё ещё вяжет воздух) Между прочим, он меня уже два часа не убивает. Я обижена. Ухожу в монастырь.

(СТАРУХА пытается уйти, но натывается на стену. Стена говорит голосом СОНИ.)

СТЕНА: Не пушу. Ты должна страдать.

СТАРУХА: Отвяжись, девочка. Я уже мертвая страдаю. Это моя работа.

(Появляется СОФЬЯ СЕМЁНОВНА. Она держит Евангелие вверх ногами и читает его вслух задом наперёд.)

СОНЯ: «ачу, ан ясьтивобоп елс, акилзертс отэ ясьтидиравн, отэ он, овтсв, ен» Глава третья, стих сорок два.

РАСКОЛЬНИКОВ: Соня! Зачем ты читаешь задом наперёд?

СОНЯ: А ты зачем убил старуху? Мы оба занимаемся бессмыслицей. Разница лишь в том, что у меня есть жёлтый билет, а у тебя — красный топор.

(ТОПОР обиженно фыркает.)

ТОПОР: Я не красный. Я ржавый. И вообще, меня не спрашивали, хочу ли я быть орудием преступления. Я мечтал стать садовым инструментом. Копать грядки. Сажать редиску. А меня — по черепу.

ПОРФИРИЙ: (внезапно серьезнеет) Родион Романович, ответьте мне только на один вопрос. Если вы такой великий, почему ваша совесть играет на гармошке по ночам? Я слышал. Мерзкая мелодия. «Вдоль по Питерской».

РАСКОЛЬНИКОВ: (садится на пол и начинает раскачиваться) Потому что потому что старуха была вшей. А я Наполеон. А Наполеоны не думают про вшей. Но если я не думаю про вшей — то я вшей? А если я вшей — то зачем я убивал Наполеона? Круг! Вечный круг!

СОНЯ: (закрывает Евангелие и использует его как подушку) Перекрестись хотя бы, Родя.

РАСКОЛЬНИКОВ: (крестится левой рукой, потом правой ногой) Не работает. Боги ушли на перекур.

(Вдруг все замолкают. Тишина. Слышно, как в чемодане «Бум-бум».)

ПОРФИРИЙ: (мягко) А знаете, я ведь не следователь. Я — комар. Во сне. Вы всё спите, Родион Романович. С самого начала. И старуха не убита. И топор — это ваш градусник. У вас 42 градуса. Бред.

РАСКОЛЬНИКОВ: (с надеждой) Бред?

СТАРУХА: (вздыхает) Нет, милый. Я реальная. Вот щипнуть тебя могу. (щипает его за руку) Больно?

РАСКОЛЬНИКОВ: Очень.

СТАРУХА: Значит, не бред. Значит, жизнь.

РАСКОЛЬНИКОВ: А что хуже?

СТАРУХА: Ничего. Жизнь хуже всего. Особенно когда она в театре абсурда.

(Свет гаснет полностью. Только слышны голоса.)

ГОЛОС ТОПОРА: Кто-нибудь, посадите меня в грядку, я умоляю!

ГОЛОС СОНИ: Глава четвёртая: «Возлюби топор свой, как самого себя».

ГОЛОС ПОРФИРИЯ: А где мой сачок? Я без сачка — не я.

ГОЛОС РАСКОЛЬНИКОВА: (шепотом, почти нежно) Всё равно. Я бы повторил. Ведь надо же кому-то проверять, где кончается человек и начинается его тень.

(Красный свет вспыхивает в последний раз — и превращается в зеленый. На секунду видно: все персонажи сидят вокруг чемодана и слушают, как он «Бум-бум». Затем — темнота. Молчание. И одинокий смех старухи из-под пола.)

ЗАНАВЕС

(Занавес не падает. Он просто исчезает. Потому что абсурд.)

Конец

ОТЕЛЛО. ПЛАТОК ДЬЯВОЛА

Жанр: Абсурдная трагедия ревности в одном действии с двумя антрактами (антракты внутри антрактов)

Действующие лица:

- ОТЕЛЛО (мавр Венеции, с пластмассовым тюрбаном, который постоянно спадает)
- ДЕЗДЕМОНА (с платком, который живёт своей жизнью)
- ЯГО (носит с собой сотню носовых платков разного цвета, утверждает, что он «честный»)
- КАССИО (постоянно заикается, особенно когда говорит правду)
- ЭМИЛИЯ (жена Яго, знает все тайны, но забывает их)
- БРАБАНЦИО (отец Дездемоны, появляется в виде голоса из аквариума)
- ХОР ПЛАТКОВ (три платка с глазами, которые танцуют и шепчут)

Декорация:

Сцена представляет собой огромную кровать под балдахином, но балдахин — это носовой платок размером 10 на 10 метров. Вокруг кровати — десятки сундуков, из которых доносятся шёпот «Измена». Пол покрыт венецианскими кружевами, которые всё время распускаются. На заднике — портрет Шекспира, который время от времени закрывает лицо руками. Слева — фонтан с красной водой, справа — вешалка для платков. В углу стоит чучело льва с платком во рту.

(Занавес поднимается. ОТЕЛЛО сидит на кровати и пытается завязать тюрбан. У него не получается, тюрбан падает на пол и превращается в лужу.)

ОТЕЛЛО: (громко, с акцентом) Слушай, Венеция! Слушай весь Кипр! Я, Отелло, мавр, генерал, муж, ревнивец — сейчас буду страдать. Но страдать красиво. Как в опере, только без музыки. (Пауза) Где моя Дездемона?

(Из-под кровати вылезает ДЕЗДЕМОНА. Она в ночной рубашке, в руках у неё платок, который извивается как уж.)

ДЕЗДЕМОНА: Я здесь, мой муж. Я вытирала пыль под кроватью и нашла... нашла прошлогодний сон. (Платок вырывается и летает по комнате) Вот, видишь? Он не слушается.

ОТЕЛЛО: (вскакивает) Платок! Это тот самый платок? Тот, который я дарил тебе в знак любви? Тот, который моя мать получила от цыганки?

ДЕЗДЕМОНА: (пожимает плечами) Не знаю. У меня их много. Вот синий — от почтальона. Вот зелёный — от дяди из Милана. А вот красный... красный я не помню.

ОТЕЛЛО: Красный? Кто дал тебе красный? Кассио? Яго? Лев из Венеции? (Хватает её за плечо) Говори!

ДЕЗДЕМОНА: Муж, ты опять. Ты всегда видишь платок там, где его нет. И не видишь там, где он есть. (Платок приземляется ей на голову и становится вуалью) Вот, видишь? Он сам. Я не звала.

(Входит ЯГО. Он в форме, но вместо эполетов — связанные узлом белые платочки. В руках — список. Он постоянно достаёт то один платок, то другой и нюхает их.)

ЯГО: (шепотом, но слышно всем) Честный Яго. Очень честный. Настолько честный, что сам себе не верю. Здравствуйте, генерал. Как спалось? Как платок? Не потеряли?

ОТЕЛЛО: Яго! Ты мой друг. Ты честный. Ты видел что-нибудь между Дездемоной и Кассио?

ЯГО: (отворачивается, достаёт блокнот) Видел? Не видел? Если не видел — значит, видел. Если видел — значит, не видел. Я, генерал, только предполагаю. А предположения — это такая субстанция... она то есть, то её нет. Как платок. (Достаёт красный платок) Вот. Этот я нашёл в спальне Кассио. Он весь в подозрениях.

ОТЕЛЛО: (хватает платок, нюхает) Пахнет изменой! Пахнет ложью! Пахнет... базиликом? Дездемона любит базилик.

ЯГО: А Кассио любит базилик. Выводы делайте сами, генерал. Я не делаю выводов. Я только собираю платки. (Убирает платок в карман)

ДЕЗДЕМОНА: (обиженно) Отелло! Ты веришь ему, а не мне? Я — твоя жена. Я перешла из отцовского дома в твой, как через реку. И не промокла.

ОТЕЛЛО: Перешла? А может, переплыла? А может, на лодке с Кассио? А может, он тебя перенёс на руках через все подозрения?

ДЕЗДЕМОНА: (плачет платком, платок увеличивается) Это абсурд. Я не могу доказывать, что не делала того, чего не делала. Это как доказывать, что я не верблюд.

ОТЕЛЛО: А ты не верблюд? Докажи!

(Пауза. Входит КАССИО. Он заикается сильно, каждое слово произносит по три раза.)

КАССИО: Г-г-генерал! Я п-п-принёс д-д-донесение. Там на Кипре высадились... высадились... платки! Целая флотилия платков! Они хотят задушить всех честных людей!

ОТЕЛЛО: Кассио! Ты спал с моей женой?

КАССИО: С-с-с кем? С вашей ж-ж-женой? Я? Я с п-п-платками сплю! Они мягкие. А с женщинами — нет. У меня аллергия на верность.

ЯГО: (тихо Отелло) Слышите, генерал? Он признался. Аллергия на верность — это медицинский диагноз. Моя жена Эмилия тоже так говорит.

ОТЕЛЛО: (схватывается за голову) Где мой тюрбан? Без тюрбана я не могу думать. (Тюрбан лежит в луже, Отелло надевает его на ногу) Так лучше. Итак. Кассио, ты уволен. Дездемона, ты под подозрением. Яго, ты назначен начальником всех платков.

ЯГО: (кланяется, один платок падает с плеча) Благодарю, генерал. Я буду честно следить за нечестностью. (Уходит, но через секунду возвращается) А куда идти-то?

ОТЕЛЛО: Куда хочешь. Только чтобы подозрительно.

(ЯГО уходит снова, но оставляет за собой след из платков. Входит ЭМИЛИЯ. Она несёт таз с водой и пытается в нём постирать воздух.)

ЭМИЛИЯ: Ох, Дездемона, какая ты глупая. Зачем ты вышла замуж за мавра? Он же ревнивый. Он же военный. У него вместо сердца — барабан.

ДЕЗДЕМОНА: Эмилия, я люблю его. Даже когда он кричит «платок». Я люблю его даже без платка.

ЭМИЛИЯ: А ты знаешь, что мой муж Яго... (оглядывается) ...он собирает платки не просто так. Он пишет книгу. «Сто способов задушить любовь носовым платком». Это бестселлер в аду.

ДЕЗДЕМОНА: (вздыхает) Я не боюсь. У меня есть ещё один платок. Тот, с вышивкой «Спи спокойно, дракон».

ЭМИЛИЯ: Дракон? У Отелло есть дракон? (Смеётся, но смех переходит в кашель) Ох, Дездемона. Платок — это не просто ткань. Это узел. Завяжешь — счастье. Развяжешь — трагедия. А твой платок уже развязался.

(Отелло, который всё это время сидел на кровати с ногой в тюрбане, вдруг встаёт.)

ОТЕЛЛО: Я всё слышал! Дездемона, признавайся, где ты взяла красный платок?

ДЕЗДЕМОНА: (растерянно) Я не знаю, о чём ты. У меня нет красного платка. Есть только белый, тот, что от мамы. И синий, от тёти. И зелёный... зелёный я связала сама.

ОТЕЛЛО: (достаёт из-за пазухи красный платок) А это? Это не твой?

ДЕЗДЕМОНА: Это... это... это носовой платок Кассио. Он уронил его вчера, когда мы читали сонеты. Я взяла, чтобы постирать.

ОТЕЛЛО: Ага! Значит, вы читали сонеты! Вдвоём! На одной кровати! Без меня! Это измена. Сонетная измена! (Начинает душить Дездемону красным платком)

ДЕЗДЕМОНА: (задыхаясь, но весело) Отелло... ты... опять... перепутал... Это не платок... Это... моя колготка... (падает)

ОТЕЛЛО: (смотрит на красный платок, который оказывается колготкой) Колготка? А где же платок? (Ищет по карманам) Я же ясно помню — платок!

(Вбегает ЯГО, за ним КАССИО, за ними ЭМИЛИЯ, за ними ХОР ПЛАТКОВ. Все кричат одновременно.)

ЯГО: Генерал! Вы убили Дездемону колготкой! Это подсудное дело! Колготка — это не платок. За убийство колготкой — другой срок.

КАССИО: Я-я-я говорил! Я с ней н-н-не спал! Мы ч-ч-читали сонеты! Сонеты Шекспира! Там пр-про любовь, но без платков!

ЭМИЛИЯ: (кричит Яго) А ты, сволочь! Ты подбросил платок Кассио! Я видела! Ты украл его у Дездемоны!

ЯГО: (спокойно) Украл? Зачем мне красть платок? У меня их сто. Вот белый, вот чёрный, вот в горошек. Я — коллекционер. А коллекционеры не крадут. Они... вдохновляются.

ХОР ПЛАТКОВ: (танцуя) Мы платки, мы платки,
Мы не знаем тоски.
Нас стирают в тазу,
Но мы всё расскажем в аду!

ОТЕЛЛО: (падает на колени перед Дездемоной) Дездемона! Дыши! Скажи, что ты жива! Я отдам тебе все платки мира! Я куплю тебе фабрику по производству подозрений!

ДЕЗДЕМОНА: (открывает один глаз) Жива. Но обижена. Ты меня задушил колготкой. Колготкой, Отелло! Ты бы хоть платок взял нормальный. (Встаёт, отряхивается) Всё. Я уйду к Кассио. Читать сонеты. Без тебя.

КАССИО: У-у-ура! Я н-н-наконец-то... заикание прошло! Я нормальный! Спасибо, колготка!

(Кассио обнимает Дездемону. Отелло смотрит на это с ужасом.)

ОТЕЛЛО: Значит, всё было правдой? Измена? Сонетная, платочная, колготочная?

ЯГО: (хлопает Отелло по плечу) Нет, генерал. Всё было ложью. Я всё выдумал. От начала до конца. Даже свой характер выдумал. Я на самом деле добрый. Но доброта не продаётся. Злоба продаётся лучше. Вот я и притворялся злым. Устал. (Снимает форму, под ней — пижама с уточками)

ОТЕЛЛО: (взрывается криком) Что же тогда правда? Где правда? В платке? В колготке? В тюрбане?

ГОЛОС БРАБАНЦИО (из аквариума): Правда, зять, в том, что ты не должен был жениться на моей дочери без моего согласия. Но ты женился. И вот результат: ты пытаешься её душить подручными средствами. А мог бы душить руками. Экономичнее.

ОТЕЛЛО: (садится на кровать, берёт в руки белый платок, плачет) Я убил любовь. Не Дездемону. А любовь. И теперь она лежит на полу, свёрнутая колготкой. Что мне делать?

ЭМИЛИЯ: Погладь её. Колготки любят глажку.

ДЕЗДЕМОНА: Нет, Отелло. Ты должен понять: ревность — это когда ты видишь платок там, где его нет. А любовь — это когда не видишь платка даже там, где он есть. Учись.

(Все персонажи собираются в центре. Хор платков исполняет финальную песню на мотив «Аве Мария». В это время платок, который летал, накрывает всех, как одеяло.)

ОТЕЛЛО: (из-под платка) Я всё понял. Завтра же напишу трагедию. Назову «Отелло». В ней будет всё: платки, колготки, тюрбаны. Но не будет смысла. Зачем нужен смысл, когда есть носовой платок?

ЯГО: (из-под другого края) А я напишу продолжение. «Яго. Исповедь честного подлеца». Там я признаюсь, что на самом деле люблю Отелло. Скандал гарантирован.

КАССИО: А я п-п-пишу комедию. «Кассио и его заикание. История одной колготки».

ДЕЗДЕМОНА: (вылезает из-под платка, поправляет причёску) А я выхожу замуж за... за... за платок. Он хотя бы не ревнует.

ЭМИЛИЯ: Я свидетельница.

(Все замирают. Потом встают, кланяются. Платко-балдахин медленно взлетает к потолку и исчезает.)

ГОЛОС ШЕКСПИРА С ПОРТРЕТА: Я это не писал. Клянусь. Это написал какой-то сумасшедший с фантазией на тему платков. Но мне нравится. Поставлю в Глобусе.

(Свет гаснет. Слышен звук падения — это упал тюрбан. И последний шёпот Отелло:)

ОТЕЛЛО: Платок... платок... где ты... платок...

(Тишина. Потом голос Дездемоны: «В стиральной машине, милый. Спи». И храп. И финальный хлопок — как закрывающаяся книга.)

КОНЕЦ.

ГАМЛЕТ. ЧЕРЕП БЕЗ ПРИЧИНЫ

Жанр: Абсурдистская трагедия в одном действии с возможным антрактом (антракт не предусмотрен)

Действующие лица:

- ГАМЛЕТ, принц датский (ходит с планшетом для записей, но записывает только слово «возможно»)
- ОФЕЛИЯ, его возлюбленная (всё время ищет воду, даже на суше)
- КЛАВДИЙ, король (с короной, которая то растёт, то сжимается)
- ГЕРТРУДА, королева (пьёт чай из черепа)
- ПОЛОНИЙ, советник (вылезает из-за ковра каждые три минуты)
- ГОРАЦИО, друг Гамлета (единственный, кто пытается логически объяснить происходящее, но безуспешно)
- ПРИЗРАК ОТЦА (появляется из мусорного ведра; говорит наоборот)
- РОЗЕНКРАНЦ И ГИЛЬДЕНСТЕРН (два близнеца, которые делают всё одновременно и неразличимы)
- ХОР АКТЁРОВ (три человека, которые постоянно репетируют одну и ту же сцену и сбиваются)

Декорация:

Эльсинор. Но Эльсинор — это большая комната без стен, только пол, покрытый слоем воды ровно в полсантиметра. Посередине — трон, сделанный из скрепок. Слева — занавеска, за которой предполагается «мысль». Справа — бюст Шекспира, у которого из глаз течёт варенье. Потолок отсутствует, но висит табличка «Потолок». В углу стоит чучело крысы, которое будет использовано по ходу действия.

(Занавес поднимается. Гамлет стоит на одной ноге и пытается надеть носок на вторую. Никак не получается. Горацио сидит в луже и записывает это в блокнот.)

ГОРАЦИО: (монотонно) Утро. Двадцать третье марта. Гамлет уже полтора часа надевает носок. Никакого прогресса. Если так пойдёт дальше, месь Клавдию состоится не раньше чем через семь лет.

ГАМЛЕТ: (бросает носок) Горацио! Есть на свете вещи, которые и не снились нашим мудрецам. Например, как надеть носок, когда нога — это сплошная метафора. (Садится на пол, начинает рисовать на воде пальцем) Быть или не быть? Вот в чём вопрос. Но вопрос ли это? Или ответ? Или просто канцелярская ошибка?

(Из-за ковра вылезает ПОЛОНИЙ. У него на голове вместо шляпы — тарелка.)

ПОЛОНИЙ: Мой принц! Я подслушал ваш монолог. Должен доложить: «быть» — это хорошо, «не быть» — это тоже хорошо, но лучше всего — «казаться», потому что за «казаться» платят больше. (Прячется обратно за ковёр)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.